

РОЛЬ ФИНАНСОВО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

В начале 80-х годов в наиболее развитых странах империализма сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: вторжение НТР во все сферы жизни, усложнение внутренних социально-экономических проблем, обострение международной обстановки — круг вопросов, решение которых требует усиления управленческих и регулятивных функций государства, — одновременно сопровождается наступлением неоконсервативных сил в лице монополий и их представителей на позиции государства в экономике и политике. Такие процессы ведут к дальнейшему усилению монополий, порождая в свою очередь существенные структурные и функциональные изменения в механизме государственно-монополистического капитализма (ГМК).

В наибольшей степени этот процесс охватил Японию, хотя соотношение сил между монополиями и государством в рамках понятия ГМК этой страны, в отличие от США и в особенности от государств Западной Европы, в начале 80-х годов было в пользу монополистической буржуазии. В контексте политекономического анализа это явление уже получило определенное отражение в работах советских японоведов-экономистов (Я.А.Павленер, М.В.Баскакова, И.С.Целищев). В предлагаемой статье внимание сконцентрировано на роли монополий в процессе формирования и осуществления политики Японии.

X

X

X

На протяжении почти всего нашего столетия крупные империалистические державы, в том числе Япония, развивались и развиваются в условиях ГМК. Следовательно, понятие политек-

не может быть возмнутым на понятие Государства, а само государство оторванным от понятия ГМК.

Советскими экономистами выработан единый подход к определению ГМК, рассматриваемому как диалектическое единство, слияние, сращивание двух сил — монополий и государства — в единый механизм¹⁾. При этом подчеркивается, что каждая из этих сил сохраняет известную самостоятельность по отношению друг к другу и после (выделено автором — Р.А.) возникновения ГМК. Причем слияние части монополистической собственности с государством и появление на этой основе государственно-монополистической собственности не отменяет частно-монополистическую и отдельно от нее функционирующую государственную собственность + собственность немонополистической буржуазии. Нет "как целого" ни империализма, ни ГМК, а есть "монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами"²⁾. Базис современного империализма развивается как многоукладное капиталистическое хозяйство при ведущей роли монополистических отношений. В особенности это касается Японии.

Советские экономисты в этой связи обращали внимание на крайне низкую долю государственного сектора в экономике Японии, в отличие от других стран ГМК, и ограниченное количество "смешанных" государственно-частных предприятий, обозначаемых термином "третий сектор"³⁾. Для Японии, таким образом, характерно засилье монополий в экономике страны. Нам, однако, интересуют политические явления, присущие ГМК вообще, японскому — в частности.

Дело в том, что ряд исследователей считает, что и государство до известной степени само становится частью базиса, другие, — что "местом действия" ГМК является базис, а государство остается элементом надстройки⁴⁾. Для нас важно

то, что и в том, и в другом случае монополии в надстройке не значатся, и поэтому внешняя политика и процесс ее формирования и осуществления оказываются прерогативой государства, осуществляемой в интересах прежде всего монополистической буржуазии.

Мы же исходим из того, что и монополии являются составной частью надстройки. Вспомним, что В.И. Ленин, видимо, неслучайно, говоря о базисном строении ГМК, употреблял слова "превращение", "перерастание", "переход" монополистического капитализма в государственно-монополистический. Но когда речь шла о надстроечном звене ГМК, В.И. Ленин, на наш взгляд, столь же неслучайно использовал слово "соединение" силы капитализма с силой государства в "единый механизм". В основе последнего — двуединая экономическая и политическая монополия. "Сращивание" монополий и государства в базисе одновременно сопровождалось "соединением" политической и экономической власти в единую государственно-монополистическую власть. Это означает "захват" системой ГМК как базиса, так и надстройки, как сферы производственных, так и политических отношений. В "генетическом коде" ГМК, таким образом, заложены и экономические "гены", отвечающие за экономическую структуру ГМК, и политические, формирующие политическую структуру стран ГМК. На эту политическую сторону, в частности, обращал внимание академик А.Г. Милейковский, призывая учитывать "и роль, которую в этом симбиозе приобретает партийно-политическая система той или иной страны"⁵⁾. Следовательно, ГМК являет собой ведущее звено политико-экономической системы современного капитализма. А в его рамках политический механизм ГМК — это совокупность государственно-монополистических форм, средств, ры-

чатого воздействия на внутриполитические и международные отношения через опосредованным образом организованным и взаимодействующим органам государства и монополий, принимающим постоянное участие в процессе формирования и осуществления внутренней и внешней политики. Классовая суть механизма монополий в государства совпадает во всех ее частях: и в хозяйственной, и в политической; различия определяются масштабом охвата направлений и "местом действия".

Вместе с тем следует иметь в виду, что машина ГМК управляется не только государственно-монополистической олигархией, она обрастает и различными слоями немонаполистической буржуазии и чиновничьей армией, имеющих и "свои" интересы, расходящиеся с интересами монополий. Такое положение препятствует столь плотному объединению двух основных сил в надстройке, как это наблюдается в базисе, и потому происходит лишь "соединение" двух концентров, да и то не полное: монополии резервируют для себя собственный механизм, свой аппарат монополистических союзов, организационно не объединенный с госаппаратом ГМК⁶⁾. Таким образом, монополии опираются не только на государственные органы власти как охранителей их классовых и экономических интересов, но и на собственный аппарат власти, во многих звеньях дублирующий госаппарат с помощью хозяйственных, политических и репрессивных органов, возглавляемых монополистической бюрократией. Достаточно сказать, что штат сотрудников частных японских компаний, занимающихся промышленным шпионажем, в 10 и более раз превосходит штат государственных разведывательных органов Японии. Примерно такое же соотношение между зарубежными представителями японских частных фирм и МИЦ этой страны⁷⁾. Это естественное явление, поскольку усиление

могущества и господства монополий было бы просто невозможно без упреждения их собственной власти. Эта власть и после "соединения" сохраняет автономию и самостоятельность, являясь надстроечным элементом над хозяйственными отношениями ГМК.

Сложное взаимодействие политических и хозяйственных органов монополий и государства во всех звеньях системы ГМК хотя и едино по своей классовой направленности, не исключает вместе с тем столкновений внутриклассовых автономных интересов по широкому спектру внутренних и внешнеполитических проблем. В случаях невозможности достижения консенсуса с государством монополии действуют в обход государственных органов власти и управления.

х

х

х

Диктатура монополий с особой силой проявляется в Японии. Осуществляемая с 1983 г. в стране административно-финансовая реформа (АФР) была подготовлена и "рекомендована" монополистическими органами; правительство вынуждено претворять ее в жизнь, хотя мероприятия по АФР ориентированы на сужение и без того узких рамок государственного сектора и на минимизацию прямого вторжения государственного регулирования в сферу экономики. АФР самым серьезным образом затрывает и надстроечное звено японского ГМК. Уже сейчас полным ходом осуществляется ликвидация лишних звеньев госаппарата (в течение 1982-1986 гг. предполагается уволить примерно 45 тыс. государственных служащих) при одновременном внедрении представителей частного капитала в правительственные органы⁸⁾.

Облакая огромным экономическим богатством⁹⁾, японский

Монополистический капитал имеет все возможности оказывать влияние на институты политической власти и тем самым активнейшим образом участвовать во всех стадиях политического, в том числе и внешнеполитического процесса. Но поскольку в Японии действуют и другие, более мощные корпорации, буржуазные исследователи подвергают анализу степень и уровень приобщения к механизму власти и принятию решений различных слоев японской буржуазии. Безусловно, определенный смысл в этом есть. К. Маркс, как известно из серии его работ о классовой и политической борьбе во Франции периода 1830-1850 гг., делил буржуазию на различные группы по принципу источника их обогащения и "разделению труда" в управлении государством (финансовая аристократия, земельная и промышленная буржуазия)¹⁰). В то время столкновения между различными слоями буржуазии и одновременно некоторой ее части с государственной властью были одной из важнейших причин социальных потрясений во Франции того периода. Без анализа этих противоречий невозможно было бы понять зигзаги и ход политической борьбы буржуазии за "долю власти" или за приобщение к государственной исполнительной власти на всем протяжении монополистической стадии развития капитализма.

В эпоху империализма, особенно в ее нынешней фазе - ГМК, картина иная. Реальная власть монополий абсолютна. Ее масштабы достигли таких размеров, что монополиям не с кем делить эту власть. Буржуазные политологи, призывая исключительную роль монополий в экономике (о чем свидетельствует статистика), пытаются принизить их место в иерархии ГМК на основе того, что финансово-промышленные круги не представляют собой единства, а значит и не способны оказывать решающее воздействие на государственные органы власти.

С целью доказать этот вывод буржуазные ученые "дробят" монополистический капитал, стремясь подчеркнуть распыленность сил различных слоев буржуазии. На японском материале это делается следующим образом.

Знаком механизма связей деловых кругов с политиками, представитель Японии в ООН С. Огата делит, например, верхний слой японского истеблишмента на три категории: финансовые (дзайкай), промышленные (гёкай) и предпринимательские (кигё) круги, среди которых дзайкай является выразителем интересов "всего капитала" и представляет экономику всей страны. Эти группы он считает возможным обозначить одним термином: промышленно-финансовые круги (кайдзайкай)¹¹).

Профессор университета "Хитоубаси" Т. Хосоя усматривает разницу между первыми двумя группами в том, что гёкай, действующая в качестве "группы давления", стремится оказать влияние через различные бюрократические организации, "игруя роль охранительницы общих экономических интересов крупного бизнеса"¹²). Дзайкай же, не забывая об этих интересах, учитывает и "идеологические моменты", т.е. подходит к решению проблем с более широких классовых позиций. Находясь правее гёкай, эта монополистическая группа, по утверждению Хосоя, более либеральна, чем политические круги и бюрократия, поскольку ей не чужда гибкость и реалистичность в отношениях с государствами иных социально-политических систем¹³).

Профессор университета "Сайтама" С. Мисава полагает, что именно термин дзайкай, а не кайдзайкай, как считает С. Огата, выступает в качестве обобщающего понятия, обозначающего правящую верхушку японского бизнеса, в которую входят, во-первых, кайдзайкай, кэицутёкай (деловые круги),

сангёкай (промышленные круги), во-вторых, экономические и предпринимательские организации общенационального и регионального масштаба, в-третьих, экономические организации - посредники между деловым миром и государственными учреждениями или структурно интегрированные в эти учреждения¹⁴).

Ранжирование монополий по признаку производственно-го "разделения труда" ("горизонтальная структура") имело бы определенный смысл, если бы речь шла о выявлении существующих между ними противоречий. Но вышеупомянутые авторы разобрали иную проблему - механизм взаимоотношений деловых кругов с государственными органами власти в процессе принятия внешнеполитических решений. И подводили к выводу о том, что столь раздробленные монополистические группировки не могут играть иной роли в ходе формирования и осуществления политики, кроме как "советников" или в лучшем случае "групп давления".

Политическая же власть монополий строится по другой - "вертикальной структуре", т.е. имеет широко разветвленную сеть надстроечных монополистических органов, контролируемых и экономикой, и политикой. Появление этих органов объективно мотивировано все более тесным переплетением политики и экономики. Двойственный характер восприятия любой из этих категорий стал особенно естественен в нынешних условиях, когда экономическая деятельность сразу же обнаруживает себя в политике (политизация экономики), точно так же, как и политические акции тут же проявляются в экономике (экономизация политики). Подобная взаимосвязь привела к выделению из сферы бизнеса особой прослойки, своего рода монополистической бюрократии, оседающей в исполнительных органах монополистической буржуазии.

К такого типа органам общенационального масштаба, объединяющим более мелкие и региональные экономические ассоциации, относятся так называемые "четыре монархии": Кэйданрэн (Федерация экономических организаций), Ниссё (Японская торгово-промышленная палата), Никкэйрэн (Японская ассоциация предпринимательских организаций) и Кэйдзай доккай (Общество единомышленников по вопросам экономической политики). Входящих в руководящие органы этих организаций бизнесменов правомочно обозначить термином дзайкай - монополистическая олигархия, чьи лидеры - ядром дзайкай. И хотя каждый из руководителей "четырех монархий" представляет ту или иную монополию - часто они остаются почетными президентами своих компаний, - все же их нельзя прямо идентифицировать с компанией, из которой они вышли. Забота об интересах своих корпораций, конечно, не исключается, тем не менее главная задача членов дзайкай состоит в том, чтобы свести автономные интересы различных групп внутри монополистической буржуазии к единому знаменателю, сформулировать общие задачи монополистического капитала, довести их до сведения государственных органов и добиться практических решений на правительственном уровне.

К таким выводам вынуждены прибегать и те японские ученые, которые пытаются объективно оценить реальность политической и экономической жизни своей страны. С. Мисава, вопреки своим утверждениям о том, что дзайкай является всего лишь частью "правлящей элиты", в конечном счете признает: дзайкай - это объединение правящей элиты, "которое управляет экономикой, политикой и обществом, исходя из интересов всего капитала"¹⁵).

Приобщение дзайкай к политике после второй мировой войны произошло не сразу. Оно было вызвано многими причинами.

Одна из них заключалась в том, что на основе закона о декартелизации (в конце 40-х годов) были раздроблены и разведены старые японские монополии дайбацу и гумбацу. Новые же монополии, связанные с такими именами, как К. Мицусита, С. Идзумицу, К. Итимура, С. Хонда, М. Ибуки, и занявшие впоследствии доминирующие позиции в экономике, в начале 50-х годов не обладали реальной властью: они находились в стадии становления. Кроме того, в условиях оккупации и в течение некоторого времени после нее японская внешняя политика практически находилась в руках американцев и их откровенных ставленников. Например, в период правления кабинетов С. Ёсида (1948-1953 гг.) действительная власть японских монополий еще не окрепла, по крайней мере, не была достаточной, чтобы они могли участвовать в принятии решений. Хотя уже в начале 50-х годов появились первые признаки попыток деловых кругов, прежде всего ее стороны группы Миядзима (С. Миядзима - президент текстильной компании "Ниссин"), оказать влияние на государственную политику.

Как устойчивая тенденция вмешательство дайкай в надстроечные сферы сложилось после 1956 г., когда президентом Кайданрэи стал глава компании "Тосибэ" Т. Исидзэка, которого в 1968 г. сменил К. Уэмура. Взаимосвязь между бизнесом и политикой с особой силой проявилась в период правления кабинетов Х. Икеда и Э. Сато (1960-1972 гг.). Другими словами, по мере наращивания экономического могущества роль "среды" перестала удовлетворять монополистические круги Японии. Они постепенно из "группы давления" на правительство превратились в "группы контроля и управления" и не только экономикой, но и политикой Японии, в результате чего, выражаясь словами С. Исэва, произошла "своеобразная политизация организаций",

прежде всего упомянутых "четырёх монархий".

Эта "четверка" не представляет какую-либо одну промышленно-финансовую группу, пусть даже такую крупную, как Мицубиси или Мицуи. Она объединяет конгломерат (подчеркнуто автором - Р.А.) самых крупных финансовых и промышленных групп, контролирующих более половины японской экономики. Это те самые, по словам В.И. Ленина, "всесильные союзы монополистов"¹⁶, которые определяют не только темпы, масштабы, структуру японской экономики, но и деятельность своих политических представителей на всех уровнях власти, будь то кабинет, партия или бюрократия.

В иерархии предпринимательских союзов на вершине могущества стоит Кайданрэи, председателя которого неофициально именуют "финансовым премьер-министром"¹⁷. Эта организация вырабатывает главным образом стратегию деятельности монополий и государства. В частности, конкретная работа по подготовке проекта АФР осуществлялась Временной комиссией по проблемам администрации во главе с бывшим президентом Кайданрэи Т. Доко. Кайдзай дойкай разрабатывает альтернативные курсы и новые методы регулирования экономики и политики страны, поэтому эту ассоциацию часто называют "мозговым трестом". Давая оценку влияния союзов японских монополий, швейцарский еженедельник "Вельтвохе" писал: "Правительство представляет собой "исполнительный орган", которому могущественные экономические организации, наподобие Кайдзай дойкай, ... в течение десятилетий просто до деталей предписывают, что ему следует делать"¹⁸.

Подобная оценка, безусловно, преувеличена. До деталей крупный бизнес не снисходит. А вот основные требования, которым должны следовать политические круги Японии, действительно

но выработаны. Они сводятся к следующему: 1) сохранить систему свободного предпринимательства в стране; 2) не доводить фракционную борьбу внутри правящей партии до ситуации, в которой усиливается риск потери политической власти; 3) отстаивать международные позиции японского монополистического капитала как в борьбе империализма против мирового социализма, так и в конкурентной борьбе с классовыми союзниками — экономическими соперниками.

Конечно, свое влияние на политику монополистическая олигархия Японии не склонна афишировать, и, как отмечают все исследователи данной проблемы, оно осуществляется "ни в коем случае не прямо, а скрыто". Некоторым такой вывод дает повод считать, что "дзайкай умер"¹⁹). Реальная деятельность промышленно-финансовых монополий подрывает основу для подобных утверждений. Другое дело, что влияние дзайкай на политику в течение 70-х годов было менее явным, более скрытым, в отличие, скажем, от периода правления Н.Киси и Х.Икэда (1957-1964 гг.). Политические круги учитывали, что японская общественность негативно относится к их связям с бизнесом. Полностью игнорировать настроения японского населения политики не могут хотя бы уже потому, что они нуждаются в их голосах на выборах. И поэтому стремление закамуфлировать свои отношения с монополиями выглядит вполне естественным и даже необходимым. Правда, в начале 80-х годов это оказалось уже невозможным сделать в связи с осуществлением административно-финансовой реформы, которая достаточно наглядно обнажила руководящую роль монополий в японском обществе.

x

x

x

Когда мы говорим о дзайкай как силе, вовлеченной в формирование и осуществление внешней политики Японии, имеется в виду не только простое финансовое донорство правящей партии и оказание влияния на представителей исполнительной государственной власти. Этим сопричастность монополий к внешней политике не ограничивается, хотя и является одной из важнейших сторон механизма взаимодействия монополий и государства в надстроечном звене ГМК. Необходимо иметь в виду и другую, не менее важную сторону деятельности дзайкай, связанную с проведением собственной внешней политики, для реализации которой дзайкай содержит собственный политический и хозяйственный аппарат. При Кэйданран, в частности, существует свое министерство иностранных дел — Комитет по развитию сотрудничества за рубежом (Кайгай кайхачу кэрёку кёгикан), осуществляющий планирование и деятельность на международной арене монополий, входящих в эту группировку.

Прямое участие крупного бизнеса во внешней политике имеет под собой серьезные основания. К.Маркс в свое время указывал, что капитал "стремится всегда лишь к достижению особенных условий увеличения своей стоимости, а общие для всех условия он в качестве национальных потребностей взваливает на всю страну. Капитал предпринимает только выгодные — с его точки зрения — операции"²⁰). В еще большей степени этот вывод справедлив для финансового капитала, монополий.

Империалистическое государство, внешняя политика которого формируется с учетом интересов всего правящего класса, нередко вынуждено идти на осуществление "невыгодных", с точки зрения отдельных монополий, "операций". Заложенный в механизм ГМК код противоречивых интересов обнаруживается

даже в такой сфере, где две силы (государство и монополии) действуют объединенно — во внешнеэкономических связях. Достаточно напомнить, что торгово-экономические войны между тремя центрами империализма одновременно сопровождаются "мини-войнами" между монополиями каждого из этих центров со своими правительствами; последние обвиняются монополиями в том, что они не в состоянии оградить рынки собственных стран от нашествия конкурентов.

Вообще внешняя торговля — это такая сфера деятельности монополий, от которой зависят не только их прибыли, но в еще большей степени их вес, сила внутри государства. К. Маркс писал, что "...производственные отношения Франции обуславливаются внешней торговлей, ее положением на всемирном рынке и законами этого рынка. ...Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразует по-своему все имущественные отношения; в этой силе она может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала всемирный рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития"²¹). Для Японии это особенно важно. Достаточно указать, что экономические интересы двайкай и вообще развитие японской экономики реализуются и осуществляются в значительной степени посредством внешнеэкономической активности. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры: только у 7 из 50 самых крупных корпораций Японии доля экспорта их продукции ниже 10%, у остальных же эта доля колеблется между 20 и 70%²²). Такие цифры не могут позволить монополиям оставлять на откуп политикам и бюрократам решение внешнеполитических вопросов. Более того. Во внешнеполитической деятельности монополистической буржуазии уже давно утвердилась практика обходиться без

промежуточных звеньев в лице правительства или других государственных органов, например, МИД. Этот механизм приводит в действие (в Японии он получил название "частной экономической дипломатии" /"минкан кэйзэй гайко"/), когда бизнес считает, что государственные органы не способны разрешить какие-либо сложные, крупномасштабные международные проблемы, или тогда, когда поведение правительства не устраивает монополистический капитал. В отличие от политических кругов, которые склонны в некоторых случаях принести "экономические жертвы" в угоду каким-либо политическим акциям, деловые круги стремятся избежать таких "жертв", нередко игнорируя "советы" правительства.

При этом важно подчеркнуть, что существующие противоречия между монополиями и государством обычно разрешаются в пользу первых. В.И. Ленин, неоднократно указывая на "сплукантства", "всевластие капитала", писал: "Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных делах (подчеркнуто автором — Р.А.), что он способен подчинить себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полной политической независимостью"²³). Напомним, сколь решительно вел себя бизнес во время "нефтяного кризиса" конце 1973 г. В правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) и в правительстве не было единого мнения о том, какую позицию занять: встать ли на сторону арабов, или на сторону американцев. Возникли серьезные трения между традиционно проамериканским МИД, возглавлявшимся в тот период М.Охира, и министерством внешней торговли и промышленности, главой которого был тогда Я.Накасона. Как часто бывало в таких случаях, последнее слово сказали лидеры Кайданран.

Обладая более ценной и обширной информацией о Ближнем Востоке, чем дипломатическое ведомство, а главное, учитывая собственные интересы в этом регионе, они "порекомендовали" правительству занять проарабские позиции, что и было неукоснительно выполнено²⁴⁾.

Но в еще большей степени нарушается монополиями "воля" государства, когда речь идет о взаимоотношениях с социалистическими странами. Излишне повторять, что борьба империализма против мирового социализма диктуется логикой исторического развития человечества и что конфронтация двух политических систем вынуждает монополистический капитал обращаться к централизованным органам, способным учитывать интересы всех группировок монополистической элиты и отстаивать их в борьбе с социализмом и национально-освободительным движением. В этом смысле капиталистическое государство, обладающее всей мощью военно-политических инструментов, находится на острие этой исторической борьбы. В то же время позиция монополий в этой борьбе не столь однозначна. С одной стороны, меняющееся соотношение сил на международной арене в пользу социализма лишает империализм не только военно-политического превосходства, но и сужает хозяйственно-территориальную сферу его деятельности. Такая тенденция объективно делает монополии принципиальными и активными участниками этой борьбы. Но есть и другая сторона — экономическая выгода, которую монополии готовы извлечь из торгово-экономического сотрудничества с социалистическими странами. В.И. Ленин говорил: "Есть сила большая, чем желание, воля и решение многих из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступать на путь союзничества с нами"²⁵⁾.

Эта сила оказывалась и оказывается столь велика, что вынуждала американские компании сотрудничать с Советским Союзом.

Показательным было, например, и поведение японских деловых кругов в отношениях с СССР в 60-е годы. Заинтересованные в развитии советско-японского экономического сотрудничества бизнесмены вопреки негативной позиции правительства Японии проявили инициативу в налаживании диалога с советской стороной. Так, после визита в СССР в июле 1965 г. главы Торговой палаты С. Нагано в том же году был учрежден I-й советско-японский экономический комитет в Токио, деятельность которого дала толчок не только дальнейшему развитию японо-советских торгово-экономических отношений, но и способствовала улучшению политического климата между странами. Любопытно, что спустя 18 лет, когда советско-японские отношения вновь подверглись серьезным осложнениям в результате усиления антисоветского курса Токио, по инициативе того же Нагано в феврале 1983 г. была организована крупномасштабная поездка делегации японских деловых кругов в СССР. Значение этого визита двоякого определенного импульса торгово-экономическому сотрудничеству, заключалось также и в том, что он был осуществлен вопреки жесткой негативной позиции правительства.

Крупный японский ученый, директор Института экономических исследований Н. Нобуёси в одной из своих работ на многочисленных примерах показывал, что часто государственные органы власти манипулируют перед требованиями японских монополий. И в этой связи он делает примечательный вывод: "По-моему, — пишет Нобуёси, — "Ассоциированная Япония" — не более, чем миф, созданный благодаря ложным концепциям иностранцев, которые были с доверием восприняты японцами из-за незнания японского опыта"²⁶⁾.

Особой темой является анализ противоречий между ГМК и транснациональными и международными компаниями (ТНК и МНК) и способа их разрешения. Поскольку специально этим вопросом на японском материале мы не занимались, ограничимся общими рассуждениями.

В отличие от внутренних противоречий в рамках ГМК, разногласия между ГМК и ТНК носят качественно иной характер. Во-первых, интересы международных монополий носят глобальный характер; они шире интересов не только национальных корпораций, но и общенациональных интересов государства базирования. Во-вторых, возможное столкновение своих и государственных интересов объективно вынуждает ТНК быть готовыми к достижению своих целей собственными средствами, не прибегая к помощи государственных органов. В результате, "ТНК, по сути дела, являются субъектами одновременно и внутренней, и внешней политики, воздействуя на государство и изнутри — через свое правительство, и извне — посредством проведения своих собственных внешнеполитических акций"²⁷⁾. И, в-третьих, как подчеркивалось в нашей литературе еще в середине 70-х годов, национальные государственно-монополистические механизмы большинства капиталистических стран оказались не в состоянии контролировать деятельность международных монополий.

Безусловно, взаимоотношения между ТНК и государством их базирования носят взаимосвязанный характер, который определяется не только противоречиями, но и сотрудничеством на международной арене, тем более, что их стратегические интересы — сохранение и распространение в мире капиталистических отношений — совпадают. И об этом немало написано. Для нас важно то, что ТНК и МНК выступают как самостоятельные

субъекты внешней политики, действия которых порождают новые противоречия империализма на внешнем уровне его развития.

Приведенные выше рассуждения не должны восприниматься как противопоставление монополий государству и наоборот — взаимопоставление, которое нередко встречается в литературе по современному империализму. Речь идет об относительной самостоятельности и ведущей роли монополий, в том числе национальных, в рамках ГМК. Но относительной самостоятельностью в буржуазном обществе обладает и государство, поскольку оно представляет общие интересы всего класса буржуазии, а не только монополистической. "Всякий общий интерес, — писал К.Маркс, — немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий интерес, вырывался из сферы самостоятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности"²⁸⁾. Причем, эта деятельность в связи с некоторыми неконсервативными реформами в наиболее развитых странах империализма, в том числе в Японии, приобретает новые качества.

В начале 80-х годов японские монополии пришли к выводу, что деятельность неповоротливых бюрократизированных органов государственной власти перестала отвечать новым тенденциям развития экономики внутри страны, и, что не менее важно, новым условиям борьбы с конкурентами на мировых рынках. АФР, о которой в общих чертах говорилось выше, как раз и призвана привести государственные институты в соответствие с изменившимися условиями и тенденциями, а в конечном счете — упрочить жизнестойкость японского государственно-монополистического капитализма.

В этой связи особое значение придается реорганизации госаппарата, нацеленной на укрепление государственной финансово-дисциплины, экономию расходов и экономическую обоснованность деятельности правительства. При этом необходимо иметь в виду, что по сравнению с другими ведущими капиталистическими странами центральный госаппарат Японии является наиболее "компактным".

Серия мер, предусмотренная АФР для центральных органов, включает в себя: 1) сокращение числа государственных служащих, 2) замораживание их зарплаты, 3) "введение" представителей частного капитала в правительственные органы, а также 4) создание "смешанных" государственно-монополистических органов управления.

"Рекомендации" монополий начинают выполняться практически. В первую очередь реорганизация затронула канцелярию премьер-министра, которую намерены превратить в рабочий орган, занимающийся вопросами осуществления текущей политики премьер-министра и кабинета. С этой целью, в частности, Управлению по делам администрации передана часть сотрудников, введенных в созданное 1 июля 1984 г. Агентство по управлению и координации. Причем, в процессе "передачи" было уволено несколько десятков служащих. С 1981 г. стали замедляться темпы повышения зарплаты государственным служащим (в 1982 году зарплата была даже заморожена). В начале 1983 г. частная организация, имеющая функции совещательного органа ряда компаний - Японская ассоциация экономических проектов - получила статус самостоятельного юридического лица, а в мае того же года в ее рамках был основан Комитет по разработке новой политики частного инициатив, в который вошли и работники госаппарата. Предполагается также основать при премьер-

министре Совет комплексного планирования из представителей деловых кругов, а также реорганизовать государственную Ассоциацию международного сотрудничества путем введения в нее представителей частного сектора.

Даже отдельные мероприятия, проводимые в рамках АФР, свидетельствуют о заинтересованности японских монополий в совершенствовании госаппарата в надежде на более эффективное его функционирование в их интересах. Монополистические круги, добывая под свой контроль экономические функции государства, вместе с тем дают правительственным органам большую свободу рук в проведении внутренней и внешней политики.

В этих условиях государственная власть в лице правительства приобретает новое качество, более весомое, чем в переформенный период.

X

X

X

Президент Кэйдаирэн Ё.Инаяма, нынешний патриарх делового мира, выражая главное кредо японского монополистического капитала, говорил: "Бизнесмены будут поддерживать любую политическую партию, которая готова сохранить систему "свободного предпринимательства"²⁹). Такой партией в Японии является ЛДП. Советский историк И.А.Латышев следующим образом характеризует ее: "Превращая партия Японии представляется собой не что иное, как бюрократизированную политическую организацию, навязывающую народу волю, политику и идеологию монополистической буржуазии"³⁰).

Вместе с тем ЛДП является одним из важнейших звеньев политической системы Японии, с помощью которого дважды непосредственно осуществляется процесс формирования и осуществления государственной политики. Специфика правящей

Партия состоит также в том, что именно ее члены выдвигаются во все звенья политической власти и из них формируется правительство. ДПП, таким образом, является своего рода кузницей кадров исполнительной государственной власти. В этом заключается также и своеобразие японского ГМК. Советский ученый Г.Н.Сорвина писала: "Для современного этапа в развитии капитализма характерно, что представители финансовой олигархии, уже не доверяя своим посредникам, сами занимают важнейшие посты в правительстве"³¹). Этот вывод подтверждается практикой политической жизни в США. Так, например, 8 из 13 членов правительства Р.Рейгана в первый срок его президентства (1980-1984 гг.) ранее занимали ответственные посты в различных компаниях и корпорациях, принадлежавших к так называемому Калифорнийскому промышленному комплексу. В Японии иная практика. Монополии настолько сильны, а политики так верно им служат, что большой бизнес не нуждается в персональном представительстве в государственных учреждениях или в правительстве. Анализ биографий членов 13 японских кабинетов (а именно столько их было с июля 1972 г. по ноябрь 1983 г.) показывает, что из почти 200 министров всего лишь несколько имели прямое отношение к бизнесу, причем, не к самому верхнему его слов. Это - К.Танака, Т.Куранари ("Той кояцу"), братья Дзэнтаро и Токусаборо Косака ("Синъэцу кагаку"), М.Эдзэки ("Дзээннику"), Т.Комото (президент "Санко кисэи"), М.Фудзита ("Фудзита когэ") и Ё.Сакураэте. Из них только Т.Косака занимал важные посты в Кэйдэнрэи и Ниппэйрэи.

Основным рычагом воздействия монополий на правящую партию являются два вида субсидии ("политические пожертвования" - сайдэн синдэн), поступающие в казну ДПП через раз-

личные комитеты и ассоциации. Самой крупной среди последних является Народная политическая ассоциация (Кокумин сайдэн синдэн), куда входило в период правления кабинета Т.Танака (1972-1974 гг.) 60 тыс. индивидуальных и 10 тыс. организационных членов. По данным японской печати, в 70-е годы ДПП через эту ассоциацию получала ежегодно от 7 до 16 млрд. иен. Необходимо при этом иметь в виду, что крупные компании и отдельные представители большого бизнеса передают значительные суммы непосредственно франциям или тем деятелям ДПП, с которыми они поддерживают наиболее тесные связи. В докладе министерства по делам местного самоуправления (сентябрь 1977 г.) говорилось, что в 1976 г. генеральный директор Управления по борьбе с загрязнением окружающей среды Сигтаро Ишикура лично получил от восьми поддерживавших его групп 1,5 млн. иен. В том же докладе указывалось, что примерно 1500 корпораций и торговых ассоциаций внесли пожертвования в фонд ДПП. Среди них наиболее "щедрыми" были "Нихон сайтэнцу" "Сумитомо киндзюку когэ", "Тосиба", "Кансай дэнки", "Тайбу дэнки" и "Кавасаки сайтэнцу", причем роль координационного центра по сбору средств для ДПП играет Кэйдэнрэи³²).

Профессор Института международных отношений Университета ООН (Токио) К.Ори в ходе анализа взаимоотношений монополий с членами ДПП выявил любопытную "деталь": большой бизнес финансирует партию, отсюда предпочтение франциям, возглавляемым бывшими высшими чиновниками³³). В этом предпочтении - определенная логика. Во-первых, каждый из четырех депутатов-членов ДПП в нижней палате, и каждый из трех - в верхней палате являются бывшими высшими чиновниками. Во-вторых, и это главное, - они сохраняют с государственными

бюрократическими организациями прежние связи, которые для деловых кругов имеют большее значение, чем деятельность этих организаций в парламенте.

Финансируя правящую партию, монополии зорко следят за ее действиями в борьбе с оппозицией. А надо сказать, что дзайкай постоянно беспокоит фракционная борьба внутри ЛДП, которую Инабана охарактеризовала как "политическую деградацию", вызванную "эгоистическим стремлением политических деятелей" "к власти и деньгам"³⁴). Дело, конечно, не в "эгоистических стремлениях". Недовольство бизнеса вызывает не сама по себе внутривнутриполитическая грызня между лидерами фракций, а то, что ведя борьбу за высшие посты в партии, а следовательно, и в правительстве, верхушка ЛДП подчас упускает из виду необходимость выполнения основной своей функции — отстаивание интересов монополистической буржуазии, сохранение власти и противодействие оппозиционным силам.

Именно такая ситуация возникла в период правления кабинета Т.Мики в 1974—1976 гг., когда бизнес временно сократил финансовую помощь ЛДП с целью положить конец межфракционной борьбе. Однако это не только не ликвидировало противоречий в правящей партии, а наоборот, усилило разброд и шатания в ее верхушечном звене. В результате на выборах в нижнюю палату парламента (5 декабря 1976 г.) партия впервые за послевоенный период лишилась абсолютного большинства в нижней палате, потеряв 22 места (доля депутатов от ЛДП составила 48,7%). И только поддержка ЛДП членами Нового либерального клуба и "независимыми" позволила сохранить значительное большинство консерваторов в парламенте. Итоги выборов настолько нанутили промышленно-финансовые круги, что впоследствии они вновь увеличили денежную помощь партии³⁵).

Лично с тем они сумели сделать все, чтобы убраться с поста премьер-министра и председателя партии Т.Мики.

Дело в том, что взаимоотношения Мики с бизнесом — это тот редкий случай в послевоенной истории Японии, когда глава партии и кабинета оказался в конфронтации с большим бизнесом. Но этот же случай как нельзя более наглядно демонстрирует, в чьих руках находится реальная власть в стране. Недовольство дзайкай премьером Мики вызывалось не только усилением последнего сплотить партию в борьбе с оппозицией, прежде всего оно было вызвано намерением Мики посягнуть на святая святых — интересы трестов и монополий путем утверждения нового варианта антимонополистического закона, предусматривающего дробление крупных компаний, ограничение приобретения акций предпринимателями и дополнительный налог на сверхприбыли.

Подобные стремления Мики, о которых он говорил еще до прихода к власти, снискали ему репутацию "господина Чистого", не связанного с бизнесом и потому независимого политического деятеля³⁶). Этот идеализированный портрет не отражает реальности. Ни один политический деятель не смог бы добиться в Японии высоких постов в партии или государстве без поддержки со стороны бизнеса. Не является исключением и Мики. Во-первых, через родственников жены он связан с компаниями "Сэйва дэки", "Токио газ", "Ниппон якии котэ"; через других родственников — с компанией "Фудзи" и "Токийским банком". Во-вторых, официальными "донорами" фракции Мики в партии являются одна из "четырех империй" — Кайдзай домбай. Например, во время выборов в 1972 г. Мики поддерживал лично Д.Инабана, тогдашний президент этой организации, одновременно являвшийся председателем правления компании "Тосюба".

В разное время оказывали поддержку Мики бывший президент Кейденрэн Т. Доко и К. Окубо (из "Мицубиси когё")³⁷). Сам премьер является обладателем акций в строительной компании "Тайдэ кигё" и в радиовещательной компании "Сикоку". По данным японской прессы, доход Т. Мики в 1974 г. согласно налоговой декларации составил свыше 15 млн. иен³⁸). "Господыну Чистому" принадлежат такие слова: "Если бизнес терпит поражение, то страдает вся страна"³⁹). Следовательно, экономические мероприятия Мики не могли слишком далеко расходиться с канонами капиталистической действительности, хотя его попытки "улучшить капитализм" и были встречены в штыки частью монополистической буржуазии.

Но, пожалуй, самым главным, за что бизнес не любил Мики, — это дело "Локхид". Парадокс заключается в том, что из-за этого "инцидента" покинули пост премьер-министра вначале К. Танака, затем Т. Мики. Первый потому, что не смог спрятать "концы в воду", т.е. скрыть внутреннюю механику взяток в связи со сделкой с американской компанией "Локхид" о поставках самолетов в Японию, второй же — за то, что попытался раскрыть этот механизм, тем самым намереваясь обнажить всю подноготную взяточничества и коррупции, пресущих как самому японскому бизнесу, так и его взаимоотношениям с чужими, в данном случае, с американским бизнесом. И когда неоднократно намеки и прямые высказывания двайкай о необходимости занять скандал с делом "Локхид" не возмемли желательного действия, то бизнес "дал инструкцию своим компаниям временно прекратить политические пожертвования, поступившие в "Кокумин сэйдзи кёкай"⁴⁰). Причем еще до формального ухода Мики в отставку (декабрь 1976 г.) бизнес фактически лишил его власти, в результате чего и сложилась упомянутая

уже парадоксальная ситуация "двух премьеров" и "двух председателей партии". Реальная власть в кабинете оказалась в руках начальника Бюро экономического планирования Т. Фукуда, а в ЛДП — в руках вице-председателя Э. Сина.

В отличие от Мики, крупные высшие чиновники ЛДП, в особенности претенденты на пост премьер-министра, предпочитали избегать спор с реальными властителями Японии, тем более, что многие из них находились с бизнесом в родственных или "дружеских" отношениях. Примером такого варианта отношений могут служить бывшие премьер-министры Японии Эйсако Сато и Иноуэ Кэйдзи, которые через своих родственников связаны с банками "Санва" и "Дайити денки". Аналогичными отношениями характеризовались связи М. Охиро с бизнесом.

Такими же отношениями с бизнесом связывали по сути дела все политические деятели крупного масштаба. Вместе с тем было бы упрощением считать, что подобная социальная спайка однозначно определяет активность политика в пользу своего патрона. Расхождения по тем или иным проблемам не исключаются, о чем свидетельствует и пример с Мики. Однако, что касается общих целей по обеспечению основных классовых интересов, то в этом монополистическая буржуазия вполне может доверять ЛДП и правительству. Именно в недрах партии общие "рекомендации" и "советы" монополистической буржуазии начинают приобретать нескрываемый характер в виде программы внутренней и внешней политики страны, которые берутся за основу кабинетом министров в его практической деятельности.

Необходимо отметить при этом, что принятие решений по вопросам государственной политики происходит в неформальной обстановке при теснейшем контакте с бизнесом. Целым непосредственным обложением деловых кругов и высших партийных чиновни-

ков нередко служат различные общества. При премьер-министрах Э. Сато, К. Танака и Т. Мики каналом связи с Кэйдзай доккай являлось Общество третьего четверга (Санмоккай), где в третий четверг каждого месяца лидеры ЛДП выслушивали "советы" крупных бизнесменов.

В период правления К. Танака (1972-1974 гг.) особую значимость приобрели еще два общества: Общество понедельника (Гэцуёкай) и Общество обновления (Исинкай). Большой бизнес в первом обществе представляли тогдашний президент Кэйданрён К. Уэмура и его заместитель Т. Доко, а также президент Ниссё С. Нагано; членами второго общества были крупнейший нефтепромышленник Х. Имадзато, президент промышленного банка Японии С. Накаяма, председатель Доккай К. Кикавада и тот же С. Нагано.

Связующим звеном между бизнесом и МИД Японии являлось Общество пятницы (Кинъёкай).

В период кризиса ЛДП в 1975-1977 гг., когда по инициативе Т. Мики были распущены все фракции, в партии возникли различные "группы по изучению политики", в которые входили и представители финансовой олигархии. Последние, например, заняли доминирующие позиции в двух группах: Форум новых военных в политике (Симпу сэйсеку фураму), состоящий из 40 членов ЛДП во главе с Т. Косэка и 160 бизнесменов, включая Т. Доко, С. Нагано, Т. Сакурада и Т. Сасаки (все - президенты "четырёх монархий"); Ассоциация по исследованию свободного общества (Дэйдэ сьякай кэнкёкай), в которой политиков представляли К. Иидзэва, И. Накагава, Т. Косэка и др., а бизнес (45 чел.) - А. Морита (президент "Сони"), К. Каваи (президент "Сантори"), Д. Кавасима (президент "Хонда") и др.

В 1976 г. по инициативе почетного президента Никкэй-

рён Т. Сакурада и крупного нефтепромышленника Х. Имадзато было организовано общество для поддержки М. Охира Симпокай: в это общество вошли также С. Нагано, Х. Хига (президент Канкэйрён - Федерация кансайских промышленников), Б. Оцуки (президент Никкэйрён) и В. Талэцу (советник банка "Мицубиси"). После смерти Охира эти влиятельные лица стали поддерживать Д. Судзуки через ту же самую организацию, которая стала называться Сяйкокай. Эти же бизнесмены создали еще одно объединение для поддержки Судзуки - Сэйрёйкай, в котором большим влиянием пользовались сторонники С. Нагано.

Наконец, последним такого рода образованием является общество Сэйкокай, сформированное в марте 1983 г. по инициативе того же Нагано для "связей" с премьер-министром Я. Накасоэ. Поначалу в это общество вошло 64 бизнесмена. На открытии Сэйкокай Нагано заявил: "Невозможно искусно играть в гольф с закрытым одним глазом, поскольку трудно правильно определить дистанцию. Премьер-министра, не позволявшего войти в тесный контакт с деловыми кругами, можно было бы сравнить с одноглазым игроком в гольф"⁴¹). Японские газеты прокомментировали: "Нагано этим хотел сказать, что премьер-министр не сможет формулировать приемлемую политику, если он отказывается выслушивать откровенное мнение бизнеса"⁴²). Напомним более чем лишнее для Накасоэ, который давно имеет "дружеские связи" с президентом торгово-транспортной корпорации "Токио" Н. Гото, вице-президентом компании "Фудзиси" С. Акагава, почетным президентом компании "Коданса" С. Номэ, с советником банка "Мицубиси" Г. Коэма и с Ё. Мукурой из "Мицубиси".

Обращает на себя внимание, что во всех перечисленных организационных встречах они и те же лица. Для Японии это

изумительно. По подсчетам журнала "Эйшауик", к некоронваным королям этой страны относятся около 190 человек⁴³⁾. Из них на самой вершине могущества — 25-30 человек, у которых достаточно финансовых и иных средств, чтобы суметь навязать правительству решения, удобные бизнесу, или, как они любят выражаться, "нации". Это не означает, конечно, что финансово-промышленным кругам необходимо постоянно прибегать к методам давления на правительство, или в более широком смысле — на государство. Союз между ними добровольный, взаимовыгодный и, главное, объективно взаимобусловленный. Он питается общими классовыми корнями, — что вынуждены признавать и некоторые западные ученые. Один из них, американский политолог М. Марджер, в частности, пишет: "В то время, как корпорации контролируют экономические условия, обеспечивающие благоприятный социальный и политический климат, государство создает условия для обеспечения благоприятной структуры налогообложения, создания рынков для товаров, растущей социализации инвестиций, регулирования фискальной и внешней политики, проводимой в интересах бизнеса"⁴⁴⁾.

X

X

X

Подведем итог. Многократно возросшая финансовая, организационная и техническая мощь монополистических группировок, в особенности японских дзайкай, дает им возможность самостоятельно решать экономические задачи национального масштаба, которые раньше решались обычно только при участии государства. Подобные изменения в соотношении сил между монополиями и государством в рамках понятия государственно-монополистического капитализма не могли не сказаться на процессе формирования и осуществления внешней поли-

тики, в которой японскими монополиями принадлежит исключительная роль. Поэтому участие японских монополий в государственной политике было бы недостаточно определяющим функциями "давления". В Японии они из "группы давления" фактически превратились в "группу контроля".

Вместе с тем в утверждении неоконсервативных тенденций в империализме ГМК можно усмотреть инстинкт самосохранения монополистической буржуазии. Дело в том, что развитие базисной части ГМК, ведущее к обобществлению средств производства, вступает в противоречие с политической ее частью, с надстройкой ГМК и с государством. Чтобы предотвратить зареживание этого противоречия крушением надстройки, те же монополии кровно заинтересованы в ее упрочении. Одной из форм упрочения государства как раз и является освобождение его от забот по решению экономических проблем и концентрация его внимания на социально- и военно-политических проблемах. Этот процесс практически ведет к классическому типу "разделения труда" между буржуазией и государством: экономика собирается монополиями, политика отдается в руки государства. Безусловно, в таком выводе выделена всего лишь тенденция, которая, во-первых, на самом деле не столь однозначна, во-вторых, вряд ли приобретет устойчивый характер. "Смешанная экономика", "смешанная политика" так или иначе сохраняются в эре неоконсервативной тенденции.

Особое значение приобретает и собственная внешняя политика японских монополий, многие из которых превратились в транснациональные корпорации с глобальными интересами. Причем их действия на международной арене носят не только экономический, но и политический характер. Точно также было бы неправомерно связывать разноплановые внешнеполитичес-

кие действия государства только с политикой. Нет "чистой" политики, нет и "чистой" экономики. Борьба империалистической Японии против мирового социализма — это борьба и за сферы хозяйственной деятельности, а борьба японских монополий за расширение этой сферы одновременно означает борьбу против мирового социализма.

И С Т О Ч Н И К И

1. См.: Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1975, т. I, с. 384; Политическая экономия. М., 1976, с. 439.
2. Демин В.И., ИЭС, т. 32, с. 145-146; т. 38, с. 161.
3. См.: Критика буржуазных теорий ГМК. Проблемы "смешанной экономики". М., 1984, с. 219-221.
4. См.: Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974, с. 4-5; Демин А.А. Государственно-монополистический капитализм: проблемы, тенденции, противоречия. (Очерки). Д., 1983, с. 8-9.
5. См.: Критика буржуазных теорий ГМК..., с. 76.
6. См.: Певзнер Я.А. Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 92.
7. Японская экономическая политика и дипломатия современного капитализма. М., 1984, с. 216.
8. Об АФР см.: Певзнер Я.А. Кризис государственно-монополистического регулирования в Японии и административно-финансовая реформа. — Ежегодник "Япония. 1983". М., 1984; Критика буржуазных теорий ГМК, с. 235-242.
9. В монополистическом секторе доминирующие позиции принадлежат шести финансово-промышленным группам: Санва (с количеством корпораций — 4430), Икван (3530), Фуэ (3420), Мицубиси (3000), Митсуи (2850), Сумитомо (1636). — "Asia Week", 1983, апрель 8, с. 40.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 191, 206.
11. Огата С. Япония-но тайгай сэйсаку кэттай-то дзайкай (Процесс принятия решения в Японии и дзайкай). — Тайгай сэйсаку кэттай кэттай-но нитибэй хикаку (Сравнительный анализ процессов принятия решений в США и Японии). Токио, 1977.

- с. 214.
12. Хосоя Т. Особенности процесса принятия решений в Японии и США. — (Сравнительный анализ...), с. 9.
 13. Там же.
 14. Мисава С. Тайгай сайсаку-то нихон "дзайкай" (Внешняя политика и японские дзайкай). — Сравнительный анализ... с. 181.
 15. Мисава С., там же, с. 182. Эту мысль последовательно отстаивает другой известный японский ученый Т. Янага, который считает, что все институциональные блоки государства являются ничем иным, как "аргентами монополистического капитала". См.: Yanaga Ch. Big Business in Japanese Politics. N.Haven, 1968, p. 63-64.
 16. Ленин В.И. ПСС, т. 33, с. 3.
 17. В 1980 г. в Кэйданрен входило 979 человек, в том числе руководители 798 крупных корпораций и банков — председатели правления и президенты. На выборах в мае 1980 года председателем Федерации стал К. Инама, который переизображся на следующие сроки в 1982 и 1984 гг.
 18. "Weltwoche" (Z), 1976, october 20.
 19. См.: Сравнительный анализ..., с. 162, 203.
 20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 23.
 21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 16-17.
 22. "Asia Week", 1983, april 8.
 23. Ленин В.И. ПСС, т. 27, с. 379.
 24. Подробнее см.: Luster K. Foreign policy - making during the oil crisis - "Japan Interpreter", Tokyo, 1977, № 3.
 25. Ленин В.И. ПСС, т. 44, с. 304-305.
 26. Politics and Economics in contemporary Japan, Tokyo, 1977, p. 122.
 27. Развитие связей и взаимовлияние внутренней и внешней политики. М., 1982, с. 88-89.
 28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 206.
 29. "Japan Times", 1980, may 24.
 30. Латилев И.А. Правящая Либерально-демократическая партия Японии. М., 1967, с. 80-81.
 31. Сорвина Г.Н. Сущность государственной собственности при капитализме. М., 1962, с. 7.
 32. В 1980 г. бюджет ЛДП составлял 18,7 млрд. иен, из них сумма членских взносов составляла всего лишь 2,4 млрд. иен. Остальная часть — "политические пожертвования" крупных монополий и банков. — Подробнее см.: Марков А.А. Система финансирования правящей Либерально-демократической партии Японии. — Актуальные проблемы современной Японии. — "Информационный бюллетень" ИДВ АН СССР, 1984, № 38.
 33. Ori K. Political Parties and Elections in Post War Japan. — "Orientation Seminars on Japan". Tokyo, 1982, № 6, p. 14 (Japan Foundation. Office for the Japanese Studies Center).
 34. "Japan Times", 1980, may 24.
 35. Если в 1975 г. эта "помощь" составляла 4,3 млрд. иен, то уже в 1976 г. она выросла до 7,8; в 1977 — 10,1; в 1978 — 11,1; в 1979 — 14,3 млрд. иен. См.: Марков А.А., там же, с. 148.
 36. "Japan Times", 1975, june 2.
 37. См.: Латилев И.А. Указ. соч., с. 90; Lee Chae-Jin. Japan faces China. Political and Economic Relations in the Postwar Era. L., 1976, p. 169.
 38. "Mainichi Daily News", 1974, december 5.

39. "Asahi Evening News", 1975, december 24.
 40. "Mainichi Daily News", 1976, september 21.
 41. "Japan Times", 1983, april 8.
 42. ТЭМ ЭС.
 43. "Asia Week", 1983, april 8, p. 40.
 44. Marger M. Elites and Masses. An Introduction to Political Sociology. N.Y., 1981, p. 181.

Огуджикова:

*Транзитка СССР и Япония
 в Азиатско-Тихоокеанской,
 регионе. М.: ИМЭМО, 1985.*